

Культура. — 1995. — 23 дек. — С. 9.

Закрывается дверь студии, и....

РАДИОСЦЕНА

Сергей ЮРСКИЙ

Я сам редко слушаю радио. Как редко слушаю музыку на проигрывателе. Они меня отвлекают, я не могу ничего делать. Может быть, единственное занятие, которое я могу совмещать со слушанием радио или музыки, — мытье посуды. Я замечаю, что радио захватывает меня, требует моего внимания и постепенно останавливает все мои действия. С другой стороны, вот уже более 40 лет я сижу в радиостудиях разных городов и делаю различные записи, надеясь, что в отличие от меня другие люди часто слушают радио, не выключают его.

Это особое искусство — спрашиваю я себя и вас. Или особая техническая конструкция передачи звука?

Я думаю, что это искусство. Совершенно не похожее на все остальные и абсолютно нетленное при том, что возникло оно недавно. На что оно похоже? На этот вопрос я пока не отвечаю, я еще буду думать, попробую что-то еще послушать сам и, когда закончится этот громадный фестиваль радиотеатра, может быть, отвечу на этот вопрос.

А пока я расскажу, как происходит радиозапись для тех, кто не знает.

Студия. Конечно, микрофон, свет для того, чтобы видеть текст, и стены в дырочку. Это специальное акустическое приспособление — оно делает камеру, в которой ты находишься, звукопроницаемой. И если не читаешь текст, а беседуешь со слушателями, глаза утыкаются в бесконечные дырочки — как в грузинских домах, только там дырочки заменены бутылками, вмазанными в стену. И в хороших театрах в стены для акустики вмазываются горшки. Так что радиостудия, несмотря на симметричность дырочек, все-таки похожа на дом.

Через окно я вижу режиссера и звукорежиссера. Сперва мы напряженно смотрим друг на друга. Дается проба звука, звукорежиссер заходит и говорит: "Микрофон не так стоит. Стол скрипит. Не кладите руки на стол, у вас часы стучат о поверхность". Это, естественно, всегда происходит.

Наконец начали. И обязательно режиссер кричит: "Стоп! Подождите, у вас что-то с голосом. Может быть, чаю попьете?" Похрипывает или интонация не нравится, да ты и сам чувствуешь, что пока не идет. Иногда это длится час, иногда всего одну-две минуты — не идет, не идет, а потом...

Постепенно мы перестаем видеть друг друга. И остаемся в глухом одиночестве наших камер с изолированным звуком. И тогда постепенно сосредоточиваешься на тексте или на мыслях, которые хочешь высказать.

Я не могу сказать, что радиослушатель мне рисуется конкретно, что я ясно вижу, какая у него форма лица, какого цве-

та волосы, глаза... И не знаю, каким я ему рисуюсь. Может быть, меня помнят по фильмам, а может быть, все исходит из голоса. Это самое замечательное — из голоса рисовать человека: вы сами активны, вы творец. Вы слушаете голос и создаете свою картинку, и мы приближаемся друг к другу так, как это невозможно ни в телевидении, где многое мешает, ни в театре из-за реального расстояния между актером и зрителем, ни в кино, потому что там неравные условия — лицо размером с дом на крупном плане, а человек в зале совсем ничтожен в сравнении с этим лицом. Кино гордое, оно подавляет, а радио — разговор из уст в уши. Все остальное — воображение и доверие.

Такого погружения в материал, такой радости от общения с текстом, как на радио, пожалуй, не испытываешь нигде. Признаюсь, я пытался перенести на радио то, что исполняю в концертах. Как занятно, что у меня ничего не вышло. Вещи, проверенные по десяткам городов, сотням сцен, смешные или трогательные, стихи, проза, которые я знаю наизусть, люблю, не получаются.

Радио — это импровизация. Мера импровизации очень важна во всех искусствах. Она не должна быть полной, потому что тогда нет формы. Все должно быть сформовано и только тогда вынесено к зрителю, но в сделанное должен быть внесен сегодняшний привкус, то есть момент импровизации, интуитивного ощущения сегодняшнего дня, сегодняшнего зрителя.

А на радио мы чаще всего переносим свое первое соприкосновение с текстом. Это не значит, что мы его не читали раньше, но читать — одно, а произносить, вливать его в форму, создающуюся в данный момент, — совсем другое. И здесь случаются счастливые вещи.

Я нигде не испытывал такой радости от стихов Аполлинера, Пушкина. Я читал те его стихи, которые никогда бы не посмел читать со сцены. На радио читаешь то, что не рискнул бы доверить никому другому. Это самое доверительное искусство.

Рассказ Ирвина Шоу "Солнечные берега реки Леты", который прозвучит в программе фестиваля, и я за честь это принимаю, — одна из тех работ, которые мне очень нравятся.

С радио мне прислали текст, я прочел его впервые то ли в метро, то ли в троллейбусе, и он меня зацепил сразу. Только показалось, что длинно и, наверное, надо сокращать.

А потом была запись. Перед мной лежал набор листов — они всегда лежат отдельно, чтобы тихо переворачивать. Разрезают их не зря, а для того, чтобы найти единую форму, кантлену, тянущийся звук, который, конечно, создан автором, но выражен может быть актером, оставшимся в художественном одиночестве в радиостудии.

Студия запирается на тяжелую дверь, чтобы ничего не было слышно, и актер, погруженный в эту неестественную для него сферу тишины и полного отсутствия зрителей, начинает разговор один на один с каждым слушателем.

134